

На правах рукописи

Медведев Иван Риммович

**ОБЪЯСНЕНИЯ СТОРОН И ТРЕТЬИХ ЛИЦ КАК
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2008

Работа выполнена в отделе гражданского законодательства и процесса Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Научный руководитель: кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ
Лесницкая Лидия Францевна

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Каллистратова Римма Федоровна

кандидат юридических наук, доцент
Уткина Ирина Валентиновна

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится «16» апреля 2008 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Автореферат разослан «_____» _____ 2008 года

И.о. Ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор юридических наук

И.О. Хлестова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. В современных условиях учеными и практиками отмечается тенденция существенного увеличения числа обращений граждан в органы судебной власти за защитой своих прав и интересов. В 2006 году в России рассмотрено более 7,5 млн. гражданских дел. Если исходить из наличия двух заинтересованных в рассмотрении дела лиц, то не менее 15 миллионов человек ежегодно вовлекаются в орбиту гражданского судопроизводства (Российская юстиция. 2007. №5. С.57).

Одновременно споры усложняются, поэтому для их правильного разрешения у суда должны быть инструменты, позволяющие максимально точно и уверенно оценивать каждый из указанных в процессуальном законе видов доказательств. Специальное внимание законодателя в таких ситуациях обращается на внедрение конкретных правил работы с отдельными средствами доказывания, на первое место среди которых в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) поставлены объяснения сторон и третьих лиц (далее – объяснения сторон).

По мнению диссертанта, в любой системе доказательств допускается существование основного звена, содержащего наибольшее количество важной для разрешения дела информации. На такую роль вполне подходят объяснения, поскольку дающие их лица лучше всего осведомлены об обстоятельствах спора. Они предоставляют суду доказательственный материал, а путем утверждений о фактах помогают очертить предмет доказывания. Эти, а также ряд иных, выделяющих объяснения сторон из других доказательств, специфических черт, позволяют говорить о том, что глубокая научная разработка исследуемого вида доказательств является актуальной на любом этапе развития гражданского процессуального права. От ее качественности зависит предоставляемый законом комплекс гарантий того, что все сказанное в суде и имеющее значение для дела будет учтено.

Анализ практики свидетельствует о стабильно большом числе отмен судебных актов вследствие игнорирования объяснений сторон либо ошибок в их оценке, что негативно сказывается на уровне доверия населения к судебной власти. Во многом это связано с нечеткостью и недостаточностью регламентации порядка получения, исследования и оценки объяснений сторон. Такое недопустимо, поскольку учет объяснений и доводов сторон отражает право лица быть выслушанным, что имеет важное социальное значение: все участники

процесса должны быть уверены, что суд принял во внимание их позицию по делу.

В то же время правоприменительная практика весьма противоречива, а имеющиеся в комментариях и учебной литературе разъяснения действующих норм об объяснениях сторон зачастую проводятся фрагментарно либо односторонне ограничиваются воспроизведением текста кодекса. Однако решение данных проблем, соответствующее современным потребностям общества, невозможно без их глубокого научного анализа. Все это предопределило как выбор темы, так и структуру, и порядок изложения диссертационного исследования.

Объект и предмет исследования. **Объектом исследования** являются нормы гражданского процессуального законодательства России и некоторых зарубежных стран, обеспечивающие участникам процесса право быть выслушанным в процессе рассмотрения судом гражданских дел, а именно – право давать объяснения и приводить доводы по всем возникающим в ходе разбирательства дела вопросам. **Предмет исследования** – определение правовой природы объяснений сторон как доказательства, а также выявление особенностей их отдельных видов (утверждения и признания).

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выработка теории регулирования объяснений сторон, а также построение на ее основе модели нормативного закрепления объяснений в законодательстве РФ. Это обуславливает необходимость решения следующих задач:

- определить место объяснений сторон в системе доказательств;
- разрешить вопрос о значении объяснений сторон, иных лиц, участвующих в деле, их представителей;
- выявить содержание сведений о фактах, которые могут входить в состав объяснений сторон как доказательства, и статус иной информации, включаемой участниками процесса в объяснения, но доказательством не являющейся;
- изучить природу и особенности утверждения о факте и признания факта как разновидностей объяснений сторон, указать на проблемы их трактовки в науке и правоприменительной практике;
- изложить методику оценки объяснений сторон как доказательства, а также специфику оценки утверждения и признания;
- сформулировать и обосновать предложения по совершенствованию законодательного регулирования объяснений сторон в ГПК РФ и Арбитражном процессуальном кодексе (далее – АПК) РФ.

Методологическая основа исследования. Работа основана на применении всеобщих принципов научного познания (полнота, всесторонность, объективность, конкретно-исторический подход и др.). Диссертационное исследование проводилось с использованием общенаучных (анализ и синтез, научное моделирование, системно-структурный подход, логический метод) и частнонаучных (сравнительно-правовой, юридико-догматический, метод толкования норм права) методов.

Нормативная и эмпирическая основы исследования. В работе проводится анализ положений Устава гражданского судопроизводства (далее – УГС) 1864 г., Устава судопроизводства торгового 1832 г., ГПК РСФСР 1923 г. и 1964 г., ГПК РФ, АПК РФ 1992 г., 1995 г. и 2002 г. Во многих случаях используется опыт Германии (Гражданское процессуальное уложение (далее – ГПУ) Германии), Австрии (Гражданское процессуальное уложение Австрии), Франции (Гражданский кодекс Франции и ГПК Франции) и США (Федеральные правила гражданского судопроизводства и Федеральные правила о доказательствах США).

Диссертация основана на большой эмпирической базе: опубликованной и неопубликованной практике судов общей юрисдикции (Верховного Суда РФ, Московского городского и Московского областного судов, Московского гарнизонного военного суда и Московского окружного военного суда) и арбитражных судов (Высшего Арбитражного Суда РФ, Федеральных арбитражных судов округов, Девятого и Десятого арбитражных апелляционных судов и Арбитражного суда г. Москвы). Для иллюстрации некоторых проблем приводятся акты Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Все это позволило наиболее полно изучить объяснения сторон как самостоятельный вид доказательств.

Теоретическая основа исследования. Диссертантом было уделено значительное внимание фундаментальным работам дореволюционных ученых, таких как К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский, Ю.С. Гамбаров, А.Х. Гольмстен, В.М. Гордон, В.Л. Исаченко, М.И. Малинин, К.И. Малышев, Е.А. Нефедьев, С.В. Пахман, К.П. Победоносцев, Б.В. Попов, В.А. Рязановский, И.Э. Энгельман, Т.М. Яблочков. Хотя они относятся к положениям УГС, выводы этих авторов, тщательные и выверенные, обрели самостоятельность и жизнеспособность и в условиях действия иного законодательства, а результаты исследований восприняты и являются актуальными и значимыми и для сегодняшнего гражданского процесса.

Кроме этого, в диссертации нашли отражение работы советских и российских правоведов, чье внимание в значительной степени уделялось институту доказательств. Это труды С.С. Аксельрод, Ц.М. Апарниковой, В.А. Елизарова, Е.П. Ермаковой, О.В. Иванова, В.С. Карпика, А.Ф. Клейнмана, А.Г. Коваленко, А.С. Козлова, Р.А. Константиновой, С.В. Курылева, В.А. Новицкого, Д.И. Полумордвинова, В.К. Пучинского, И.М. Резниченко, И.В. Решетниковой, Т.В. Сахновой, Л.П. Смышляева, М.К. Треушникова, М.А. Фокиной, Я.Л. Штутина, К.С. Юдельсона и других авторов. Также для рассмотрения отдельных вопросов диссертации существенное значение имеют исследования отечественными учеными иных, чем доказательства, институтов. Сюда можно отнести некоторые разработки С.Н. Абрамова, С.Ф. Афанасьева, С.А. Барашкова, М.А. Викут, М.А. Гурвича, А.Г. Давтян, И.М. Зайцева, М.М. Зубовича, Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, Г.Л. Осокиной, В.В. Самсонова, И.В. Уткиной, А.А. Ференс-Сороцкого, М.С. Шакарян, В.М. Шерстюка, С.А. Шишкина, В.В. Яркова.

В работе использованы труды немецких и австрийских ученых XIX – начала XX вв., чьи воззрения оказали непосредственное влияние на отечественное процессуальное законодательство. Это такие специалисты, как: Х. фон Байер, М.А. фон Бетман-Голльвег, К. Больджиано, О. фон Бюлов, А. Вах, А.Д. Вебер, Г.В. Ветцель, Э. Гельдер, Н.Т. фон Геннер, К.А. Гессе, А.В. Гефтер, Ф.К. Гештердинг, В.А.Ф. Данц, Г. Демелиус, Р. фон Канштейн, Ф. Клейн, И. Колер, В. Лангенбек, Ю.Т.Б. фон Линде, К. Мартин, Р. Остерлох, Й.Ю.В. фон Планк, А. Рено, Ф.К. фон Савиньи, А.Ф.Ю. Тибо, К. Шнейдер, Э.К.Г. Шнейдер, Д. Ульман, Х. Фиттинг, Ф. Хельман, А.С. Шульце, В. Эндеман; и др. Наконец, для анализа привлекались работы процессуалистов Европы и США в сфере доказательственного права, сделанные уже в середине – конце XX в., включая сравнительно-правовые исследования. В частности, это книги и статьи таких ученых, как: Б. Бастук, В. де Вос, Б. Гопферт, М. Дамаска, Р.А. Дикстра, М. Капеллетти, Б. Каплан, Р.Б. Каппали, Х. Кётц, К.М. Клермонт, Р.Л. Маркус, А.Т. фон Мерен, Р.В. Миллар, А.Р. Миллер, К.К. Осакве, Дж.М. Перилло, Дж. Резник, К.А. Райт, С.Н. Сабрин, Дж.С. Силвер, Х. Силвинг, Й. Танигучи, М. Тарюффо, Т. Финмэн, Г. Фишер, Дж. К. Хазард, Дж.К. Хунд, Э.Л. Шервин; и др.

Научная новизна исследования. В советский период специально объяснениям сторон были посвящены два исследования: В.С. Карпика «Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе – важное орудие в отправлении социалистического правосудия» (Л.: ЛГУ, 1953) и С.В. Курылева

«Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе» (М.: МЮИ, 1953). В двух отдельных работах анализировался единый институт судебного признания, частью которого был и вид объяснений сторон – признание факта. Это диссертации Д.И. Полумордвинова «Признание стороны в гражданском процессе» (М.: ВИЮН, 1940) и В.К. Пучинского «Признание в советском гражданском процессе» (М.: ВИЮН, 1953). Однако они были сделаны еще в период действия ГПК РСФСР 1923 г., по которому объяснения сторон доказательством не являлись, и Конституции СССР 1936 г. Ни по ГПК РСФСР 1964 г., ни по ГПК РФ объяснения сторон предметом исследования не становились. Кроме этого, идея «судебного признания» как единого института с разработкой и введением в действие последующего законодательства не получила поддержки, следовательно выводы ученых о признании факта нуждаются в переосмыслении. Таким образом, объяснениям сторон требуется обстоятельное доктринальное толкование.

Настоящая работа представляет собой первое за более чем пятьдесят лет комплексное всестороннее исследование объяснений сторон как доказательства, в котором уже устоявшиеся правовые категории, связанные с объяснениями сторон, получили новое понимание и содержание, а критический анализ действующих норм предоставил возможность обосновать необходимость их серьезного изменения во многих аспектах.

На защиту выносятся основные положения, отражающие новизну предпринятого исследования.

1. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу об отсутствии оснований для различного регулирования в ГПК РФ и АПК РФ такого вида доказательств как объяснения заинтересованных в исходе дела лиц. В связи с этим обосновывается потребность в унификации правовой регламентации объяснений в обоих кодексах с использованием единообразной терминологии. Дополнительно доказываются необходимость изменения наименования «объяснений сторон и третьих лиц» в ГПК РФ на «объяснения лиц, участвующих в деле» и предоставление права давать объяснения-доказательства всем лицам, участвующим в деле, а также их представителям.

2. При классификации объяснений сторон на утверждения и признания каждый из этих видов имеет равное доказательственное значение. В связи с этим обуславливается единая концепция процессуального порядка получения, исследования и оценки утверждений и признаний. Предлагается изменение редакции ст.68 ГПК РФ и ст.70 АПК РФ, согласно которым правом признавать

факты (и заключать соглашение по обстоятельствам дела по АПК РФ) обладают только стороны. Данное право должно быть предоставлено всем лицам, участвующим в деле, как в арбитражном, так и в гражданском процессе.

3. Аргументируется, что признание факта *как доказательство* не может одновременно являться основанием освобождения от доказывания или волеизъявлением, и подвергается критике нашедший поддержку в современном российском законе взгляд на признание факта как на подтверждение, реакцию на утверждение другой стороны. Соответственно, предлагается изменить в законе формулировку признания факта (ч.2 ст.68 ГПК РФ, ч.3 ст.70 АПК РФ): с «признания стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения» на «признание лицом, участвующим в деле, обстоятельств, на которых другое лицо, участвующее в деле *может* основывать свои требования или возражения», а также исключить из названных норм положения, согласно которым признание факта освобождает от доказывания.

4. В условиях действия в российском гражданском процессе принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда (ст.67 ГПК РФ, ст.71 АПК РФ) объяснения сторон в каждом из своих видов (утверждения и признания) обладают одинаковой доказательственной силой по сравнению с другими средствами доказывания. Предлагается исключить из ч.1 ст.68 ГПК РФ фразу об оценке объяснений сторон «наряду с другими доказательствами», препятствующую полноценному использованию объяснений сторон.

5. Обосновывается целесообразность законодательного закрепления механизма отмены объяснений сторон, сделанных в форме как утверждений, так и признаний. Отмена объяснений представляет собой процедуру разрешения ходатайства лица, участвующего в деле, о признании недействительными ранее данных им объяснений. Основанием для удовлетворения ходатайства является обнаружение судом ошибочности включения объяснений в доказательственную базу (наличие пороков воли, недостоверность и т.д.).

Научная и практическая значимость диссертационного исследования определяется содержащимися в нем решениями ряда научных проблем, связанных с теоретической разработкой как объяснений сторон, так и учения о доказательствах в целом. Выводы, сделанные в настоящей работе, не только развивают и дополняют воззрения отечественных правоведов, но и содержат рекомендации для дальнейшего улучшения регулирования объяснений сторон, а также предложения по совершенствованию действующего гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, что, по мне-

нию диссертанта, способно сделать отправление правосудия по гражданским делам более эффективным.

Кроме этого, положения диссертации могут быть использованы для научных исследований в сфере института доказательств, восприняты практикой при подготовке разъяснений высшими судебными инстанциями по вопросам применения норм ГПК РФ и АПК РФ, а также в законотворческой деятельности. Представляется полезным их применение при разработке пособий для целей преподавания в высших учебных заведениях, при изучении студентами материала по соответствующим разделам учебных дисциплин (гражданское процессуальное право РФ, арбитражное процессуальное право РФ) и специальных курсов («Актуальные проблемы гражданского процессуального права», «Доказательства и доказывание», «Теория доказательств», «Укрепление гарантий защиты прав граждан и организаций в гражданском процессе»), на семинарах по повышению квалификации в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Полученные в работе результаты должны помочь гражданам (их представителям) и представителям организаций и государственных органов при их участии в производстве по делу.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена в отделе гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, где она была обсуждена, рецензирована, одобрена и рекомендована к защите. Результаты исследования отражены в опубликованной монографии (*Медведев И.Р. О науке гражданского процесса: эссе. Ответственность сторон за ложные объяснения в суде: научное исследование.* – М.: Волтерс Клувер, 2006. 289 с.) и в статьях в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук («Арбитражный и гражданский процесс», «Журнал российского права», «Правоведение», «Российская юстиция», и др.).

Структура работы. Структура диссертации обусловлена поставленными в ней целями и задачами, системное изложение решения которых позволяет наиболее полно раскрыть тематику работы. Исследование состоит из введения, 3 глав, включающих 13 параграфов, заключения, содержащего конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, и библиографического списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и степень научной разработанности темы исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цели и задачи работы, освещаются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации, раскрыты научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, подчеркивается научная и практическая значимость исследования, а также сведения об апробации его результатов.

Глава первая – «Место объяснений сторон в системе доказательств» – состоит из трех параграфов и посвящена конструированию подходов к исследованию объяснений сторон как доказательства. В первом параграфе («*Теоретические основы регулирования объяснений сторон*») отмечается, что определение самостоятельного значения объяснений сторон и рассмотрение их сущности возможно на базе любой из выделяемых в науке гражданского процесса (А.Я. Вышинский, Ю.А. Гроза, М. Дамаска, Р.В. Миллар, К.М. Клермонт, М. Тарюффо, и др.) системы доказательств. Объяснения сторон могут функционировать в системе формальных (легальных) доказательств (*legale, gesetzlichen Beweistheorie, formal theory of evidence, la preuve légale*) при их подтверждении присягой либо в специфическом виде признания фактов; в материальной (моральной) системе доказательств (*freie Beweistheorie, free evaluation of the evidence, free conviction, la liberté de la preuve*) – в свободной форме; и в смешанной системе.

Диссертант приходит к выводу о том, что роль и место объяснений сторон в любой доказательственной системе определяются различными вариациями соотношения формы и содержания доказательства, доминирующими в тот или иной период истории. Наблюдается постепенный переход от первоначальных воззрений на единство указанных элементов к превалированию содержательной части. На первых порах само подкрепление сказанного присягой уже говорило в пользу утверждающего; в настоящее время ритуальная форма объяснений уже не так авторитетна (многочисленные оговорки и условия, а результаты допроса под присягой оцениваются свободно). Признание также не имеет постоянного места в системе доказательств: может занимать положение «короля доказательств» либо присоединяется ко всем другим объяснениям и вообще не учитывается, либо переходит в категорию оснований освобождения от доказывания.

На основе анализа отечественного законодательства в части регулирования объяснений сторон (УГС 1864 г., ГПК РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г., ГПК РФ) делается вывод, что указанные положения о процессуально-правовой политике в области системы доказательств закономерны и для России, где от норм, в которых объяснения сторон не имели доказательственного значения, перешли к нормам, ставящим объяснения в перечне доказательств на первое место (ст.ст.49,60 ГПК РСФСР, абз.2 ч.1 ст.55, ст.68 ГПК РФ). Диссертант отмечает разумность данного подхода и солидаризируется с учеными (А. Вах, Ф.К. Гештердинг, Дж.К.Н. Смит, Дж.К. Хунд, Т.М.Яблочков), считающими объяснения основным звеном системы доказательств, содержащим наибольшее количество важной для разрешения дела информации, первичной формой деятельности сторон в гражданском процессе.

Из такого понимания объяснений неизбежно должно следовать, что правом давать объяснения обладают лишь стороны. Но советскому (российскому) процессуальному законодательству известны и иные лица, нередко участвующие в разбирательстве дела, которые могут давать объяснения, содержащие, в том числе, сведения о фактах. Так, по ГПК РФ в главе о доказательствах объяснения вправе давать стороны и третьи лица, однако в положениях других разделов законодатель говорит об исследовании «объяснений лиц, участвующих в деле» (как в АПК РФ). Кроме этого, признавать факты может только сторона.

Разрешению данных противоречий посвящен второй параграф *«Лица, обладающие правом давать объяснения»*. Диссертант указывает, что процессуальное законодательство любой эпохи особое внимание и специальную регламентацию отводит основным заинтересованным участникам процесса – сторонам ((real) party in interest). Для того чтобы лицо могло удовлетворить свои юридические интересы, гражданской процессуальной формой предусматривается право не только участвовать в рассмотрении дела, но и обосновать свою позицию, в том числе, посредством объяснений. В наиболее широком виде комплекс прав, связанный с представлением объяснений, входит в специфическую категорию «право быть выслушанным». Оно концентрированно выражено в старинном латинском изречении – «пусть будет выслушана и другая сторона» (audi alteram partem (audiatur et altera pars)). Это правило стало основой для выделения некоторыми учеными еще более узкого принципа – «билатерального», двустороннего слушания («Bilaterality of the hearing», «beiderseitigen Gehörs»). Отечественное процессуальное законодательство не закрепляет «право быть выслушанным», но предоставляет любому из лиц, участвующих в деле, право

давать объяснения, приводить доводы и задавать вопросы (ч.1 ст.35 ГПК РФ, ч.1 ст.41 АПК РФ).

У права давать объяснения существуют пределы. В частности, они обусловлены принципами диспозитивности и состязательности, – право давать объяснения по делу (или не делать этого), не нарушая права других участников процесса. В законе устанавливаются и определенные процессуальные обязанности. Несомненно наличие обязанности добросовестного пользования своими процессуальными правами, которая распространяется и на право давать объяснения (Россия, Германия, Япония), – запрет лгать и искажать факты.

Диссертант указывает, что, хотя текст ГПК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии специальной обязанности говорить суду правду, как процессуально-политическая цель обязанность к правде вполне разумна. По верному пути пошли в практике Европейского суда по правам человека, официальный формуляр обращения в который завершается фразой: «Настоящим, исходя из моих знаний и убеждений, заявляю, что все сведения, которые я указал(а) в формуляре, являются верными». Санкции здесь отсутствуют, но, обманывая суд, заявитель получит соответствующее к себе отношение – как к лгуну, о чем его предупреждают уже на стадии составления жалобы. Думается, даже и без санкции вполне разумно заканчивать такой формулой и исковое заявление (предлагается внесение изменений в ст.131 ГПК РФ и ст.125 АПК РФ).

Также науке известна обязанность давать полные объяснения. Однако диссертанту представляется более верным говорить о *праве* давать полные объяснения так, как это сделано в ст.62 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ». В современном процессе лицо не обязано давать полные объяснения, но может это сделать, а суд не вправе ограничить его, если содержание объяснений отвечает предъявляемым к ним требованиям.

Существенное значение имеет проблема объяснений представителей. По современному российскому закону представитель не является лицом, участвующим в деле, а его объяснения доказательством не считаются. Более правилен подход к объяснениям представителя, применяемый в судебной практике, – как к доказательству, как к объяснениям самого доверителя (передача информации от представляемого к суду). Безусловно, в изначальном виде, в котором объяснения появились в качестве доказательства (свидетельство в собственном деле), объяснения сторон не идентичны по значимости объяснениям представителей. Но представители помогают узнать сведения о фактах; крайне важно и заслушивание их доводов, в том числе, мнений по правовым вопросам. Раз в

объяснениях представителя могут быть сведения о фактах, откуда бы он их ни получил, а также важная юридическая квалификация, они должны иметь возможность попасть в доказательственную базу на законных основаниях. Это достижимо несколькими способами, наиболее простым из которых является включение в перечень доказательств их самостоятельного вида – «объяснений представителя».

Далее рассматриваются *объяснения прокурора и представителей публично-правовых образований*. Диссертант приходит к выводу, что раз они, с позиции ГПК РФ, относятся к числу лиц, участвующих в деле, режим их объяснений укладывается в расхождение в терминах между ГПК РФ (не считаются доказательством) и АПК РФ (считаются). При изменении формулировки в перечне доказательств в ГПК РФ с «объяснений сторон» на «объяснения лиц, участвующих в деле», объяснения данных субъектов станут допустимыми средствами доказывания.

Вопрос о расхождении в нормах ГПК РФ и АПК РФ представляется возможным разрешить путем закрепления единой терминологии на основе АПК РФ, – «объяснения лиц, участвующих в деле», наряду с отдельным видом доказательств – «объяснений представителя». Это же относится и к признанию фактов. Действующая формулировка закона предоставляет право признавать факты лишь сторонам (ч.2 ст.68 ГПК РФ, ч.3 ст.70 АПК РФ). Но, если понимать признание как разновидность объяснений сторон, подобное ограничение ничем не обусловлено и несправедливо. Более правильно регулирование, имевшее место в АПК РФ 1995 г. (ст.70): признание могло делать любое лицо, участвующее в деле.

В третьем параграфе «Структура и содержание объяснений сторон» рассматриваются различные элементы, которые входят в состав объяснений как доказательства. В российской процессуальной науке принято исходить из того, что объяснения сторон представляют собой доказательство только в части, в которой сообщаются сведения о фактах (утверждения или признания). Однако в них могут содержаться и иные, недоказательственные, элементы (С.В. Курылев, В.К. Пучинский, М.К. Треушников): вопросы правового характера; группа доводов; волеизъявления; эмоции.

Диссертант останавливает свое внимание на каждом из них. Применительно к группе «сведения о фактах» представляется необходимым говорить о том, что объяснения сторон (за исключением ряда особенностей) имеют единое содержание, как для утверждений, так и для признаний (сведения о любых фак-

тах). Однако теоретически обусловлены и возможные ограничения, относящиеся к содержанию объяснений.

Во-первых, это касается субъекта, воспринимающего информацию. Раз ценность объяснений сторон обусловлена личным восприятием фактов, можно исходить из того, что рассказ о чужих действиях или фактах, которые лично не воспринимались, ее нивелирует. Соответственно, допустима модель регулирования, при которой объяснения ограничиваются сведениями, касающимися только собственных действий дающего их лица («узкая» концепция, «*facta propria*»). Но современное правоведение исходит из «широкой» концепции. Если рассматривать объяснение как свидетельство (показание), тогда несущественно – о чьих действиях предоставляется информация (*facta aliena*).

Во-вторых, для доказывания исключительно важна проблема достоверности объяснений. В диссертации подвергаются критике концепции «распоряжения фактами» (Р. фон Канштейн) и невозможности установления для сторон ответственности за ложь в объяснениях (В.В.Молчанов, А.Г. Плешанов, М.К. Треушников), поскольку необходимы ограничения состязательности, продиктованные публичными интересами. Объяснения как доказательство могут содержать сведения лишь о тех фактах, которые соответствуют действительности. Ложная информация, независимо от того, установлена за нее ответственность, или нет, не считается доказательством. Диссертант солидарен с мнением (Ф. Клейн) о том, что основная предпосылка для процессуального эффекта объяснений – связь между его содержанием и действительностью, а их процессуальная функция – предоставление достоверной информации. Поэтому суд может основывать свои выводы на объяснениях только, если существует убежденность в достоверности сообщаемых лицом сведений. Соответственно, отмечается, что факты, описываемые в объяснениях, должны быть физически и юридически возможны (в том числе, не противоречить закону); в объяснения не могут входить выводы из представленных доказательств; они должны отвечать общим требованиям относимости.

По мнению диссертанта, объяснения сторон имеют неодинаковое значение в зависимости от категории дел. При этом можно говорить о двух тезисах. Во-первых, в законе допустимы ограничения на использование объяснений сторон (ст.497 УГС, §617 ГПУ, ст.1299 ГПК Франции). Например, в семейных спорах, делах из публичных правоотношений и др. Во-вторых, в некоторых делах объяснения сторон используются более часто (спору о защите авторских прав, из трудовых правоотношений, о компенсации морального вреда). В каче-

стве специфического критерия здесь можно выделить неопределенность (относительную определенность) гипотезы материально-правовых норм, оставляющую большой простор для усмотрения суда. Кроме этого, объяснения, исходя из их сущности, используются чаще там, где важно личное присутствие человека и рассказ о том, что знает он сам.

Далее анализируются объяснения, не носящие доказательственного характера, первыми из которых рассматривается группа доводов. Представляется целесообразным в отмеченной выше классификации отнести вопросы права к доводам юридического характера и рассматривать их вместе с иными доводами, так как они даются суду с целью убедить его. Исходя из принципа «*Iura novit curia*» (судьи знают право), участники процесса должны доказывать только факты, а их мнение о существовании и свойствах норм права, их юридических последствиях не является обязательным для правоприменителя. Однако это не означает права суда игнорировать такие объяснения.

В частности, при помощи объяснений может быть доказана необходимость применения норм иностранного и обычного права. Это нужно понимать как предоставление суду сведений о факте существования норм иностранного права либо обычая. Также иногда в объяснениях содержатся вопросы факта, внешне выраженные как суждения о вопросах права. Например, «я подарил», «я владел», и т.п. Данные сведения относятся к доказательствам, а не к юридической квалификации правоотношений (имеется в виду факт дарения, а не мнение лица о том, что сделка подпадает под нормы закона о соответствующем договоре). Диссертант считает, что в законе (ст.198 ГПК РФ) следует закрепить норму о праве участников процесса представлять свои суждения по правовым вопросам по аналогии с §182а ГПУ Австрии как гарантию права приводить доводы, а также унифицировать нормы ГПК РФ (ст.196) и АПК РФ, где предусмотрено, что суд при принятии решения оценивает (ч.1 ст.168 АПК РФ) и доводы, приведенные лицами, участвующими в деле.

Затем в параграфе решается вопрос о волевом элементе в утверждениях и признаниях. Критически рассматривается немецкое учение о намерении признающего («*animus confitendi (Geständnissabsicht)*») и делается вывод о недопустимости понимания объяснения-доказательства как волеизъявления. Диссертант солидарен с правоведами (Р. Поллак), указывавшими, что при рассмотрении объяснений сторон их значение не должно ставиться в зависимость от воли лица, поскольку мы имеем дело не с волеизъявлением, а с заявлением о знании, сообщением о фактах внешнего мира. Для принятия утверждения (при-

знания) должно быть совпадение не между объяснением и волей, а между объяснением и действительностью. Объяснения сторон характеризуются и существуют в гражданском процессе лишь благодаря своему информационному наполнению. Они могут считаться волеизъявлением только в том смысле, что процесс дачи объяснений в целом происходит по воле лица.

В качестве заключительного вопроса параграфа рассмотрена проблема выработки дефиниции объяснений сторон. Теоретически весьма важно проводить границу между «объяснениями сторон в широком смысле», куда входят все элементы рассмотренной структуры объяснений, и «объяснениями сторон в собственном (узком) смысле», которые являются доказательством. Тогда «объяснения сторон в узком смысле» можно понимать как сообщение участвующего в деле лица или его представителя о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. В широком смысле объяснения сторон кажется верным обозначать как сообщение этими же субъектами *любых сведений*, имеющих, *по их мнению*, значение для рассмотрения и разрешения дела (сведений о фактах и иной информации). Однако, исходя из сложности входящих в объяснения сторон элементов, диссертант считает, что формулировать дефиницию исследуемого явления в законе не требуется.

Глава II работы посвящена видам объяснений сторон как доказательства, их специфике и форме.

В параграфе 1 «Основное деление: утверждение и признание» указывается, что в принятой большинством российских процессуалистов классификации объяснений сторон, как доказательства, на утверждения и признания основанием деления должно быть не бремя доказывания (общепризнанное мнение), а признак юридической заинтересованности (С.В. Пахман, позднее – С.В. Курылев, И.М. Резниченко). Тогда под утверждениями следует понимать сообщение лица о фактах, соответствующих его процессуальным интересам, а под признанием – сообщение лица о фактах, противоречащих его процессуальным интересам («*процессуальная невыгодность*», *Nachteiligkeit*, *injurious to his own cause*). Такое понимание относится, прежде всего, к объяснениям сторон и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. Но круг дающих объяснения лиц в современном гражданском процессе обширнее. Поэтому для оценки сведений о фактах, полученных из объяснений иных субъектов, верно сделать два уточнения: эти данные следует соотносить, в первую очередь, с процессуальной заинтересованностью сторон; а также понимать

их шире, – как сведения, которые могут отрицательным образом повлиять на защиту правовой позиции лица по делу.

В связи с изложенным подвергается критике взгляд на признание как на процессуальное действие, посредством которого сторона намеревается освободить противника от доказывания. Помимо необоснованного сужения круга лиц, обладающих правом давать объяснения, и содержания возможных признаний факта, дефиниция признания через процессуальные последствия не отражает его сущность и относится только к принятым судом признаниям по российскому закону. Действием можно считать не признание, а процесс дачи признания. А само признание – это доказательство с формулой: «Я признаю, что нечто было», а не «Я признаю, что противник прав». Диссертант солидарен с мнением (Л.П. Смышляев, Д.И. Полумордвинов) о невозможности закрепления за признанием факта особенных и не свойственных другим доказательствам последствий.

Второй параграф главы посвящен проблемам формы объяснений сторон. Теоретически для них предпочтительна устная форма; однако по закону объяснение одинаково значимо независимо от того, устное оно или письменное. Новелла ГПК РФ (ч.2 ст.68), согласно которой исключено требование подписания стороной устного признания, занесенного в протокол, представляется неверной, поскольку на практике могут возникать определенные проблемы, связанные как с возможностью обжалования действий суда, так и с идентификацией действительно сделанного признания в том виде, в каком его хотели дать.

Подробно рассматривается вопрос о выведении объяснений из конклюдентных (скрытых) действий. Опыт Австрии, Германии и США показывает, что при свободной оценке доказательств суд имеет право придать значение объяснений положительно выраженным конклюдентным действиям (при неисполнении процессуальной обязанности, а также удержании доказательств). Диссертант (вслед за А.К. Сергун и О.В. Аксеновой) присоединяется к критике новеллы ч.1 ст.68 ГПК РФ и считает, что более верным является исправление редакции указанного положения и его размещение не в статье об объяснениях сторон, а в ст.57 ГПК РФ (Представление и истребование доказательств).

В связи с этим важен вопрос о процессуальном значении «молчаливого признания». В науке выделяется три подхода.

А) «Квази-оспаривание» (*ficta contestatio, presumed opposition*) – любое утверждение само по себе презюмируется оспоренным и юридически сомни-

тельным (*juristisch ungewiß*). Оно при данной концепции доказательством не считается, что, по сути, реализовано в отечественном законодательстве.

Б) «Квази-признание» (*presumed (implicit) admission*), когда для сторон устанавливается обязанность высказаться по поводу утверждений противника. При отказе (молчании, неопределенном ответе) следует санкция (фикция признания, *poena confessi*). Объяснения сторон здесь являются полноценным доказательством (модель используется в странах англо-саксонской правовой семьи).

В) Наиболее действенной можно считать компромиссную концепцию, согласно которой установление для молчащего радикального правила вроде фикции признания («кто не оспаривает невыгодное ему – предполагается признавшимся») в качестве наказания было бы несправедливо и не совсем логично, с точки зрения свободы сторон в процессе. Вполне разумным представляется закрепление в ст.174 ГПК РФ нормы, аналогичной ГПУ (§138(3),446) – в случае отказа отвечать на вопросы (включая молчание по поводу утверждений других лиц), суд, учитывая все обстоятельства дела, вправе посчитать установленным факт, давать объяснения (отвечать на вопрос) о котором лицо отказалось.

Третий параграф главы касается процессуальной ценности утверждений. Диссертант указывает, что в любой период времени существуют взгляды, отрицающие за утверждением доказательственное значение в силу процессуальной заинтересованности стороны в исходе дела и ее возможной лжи. Анализируются истоки недоверия к утверждениям сторон как в состязательной системе (в Англии), так и в странах континентальной и мусульманской правовых семей.

Критическое отношение к объяснениям сторон принято и в России. Так было по УГС и ГПК РСФСР 1923 г. В ГПК РСФСР 1964 г. и действующем ГПК РФ объяснения сторон подлежат проверке и оценке *наряду с другими доказательствами*, наделяются с ними равной силой. Но внешняя «безобидность» данного правила стирается тем, что ученые (Г.К. Жилин, И.М. Зайцев, И.Г. Медведев) и практики в лучшем случае отодвигают их на второй план, в худшем – вообще не принимают во внимание. Это нарушает, по мнению диссертанта, положения ч.2 ст.67 ГПК РФ, поскольку объяснения сторон на деле имеют *меньшую доказательственную силу* по сравнению с другими личными доказательствами, и порождает многочисленные ошибки в правоприменении. Основной проблемой здесь можно считать заинтересованность лиц, дающих объяснения, в исходе дела. В специальном монографическом исследовании диссертант указывал, что в российском законодательстве санкции за ложные

объяснения сторон отсутствуют, равно как и прямая обязанность говорить суду правду. В связи с этим целесообразно закрепление в законе как обязанности к правде, так и одного из способов повышения доказательственной силы объяснений сторон.

В завершение параграфа делается вывод о том, что утверждения, как вид объяснения-доказательства, являются полноценным доказательством по делу при условии их достоверности и не требуют какого-либо обязательного специального подтверждения. Отмечается тенденция в праве зарубежных стран к уничтожению барьеров, препятствующих появлению объяснений сторон в доказательственной базе, суду дается определенная свобода в получении объяснений и возможность делать из них выводы (Нидерланды, США). С учетом права быть выслушанным, любые априорные ничем не обусловленные ограничения для стороны объяснить в суде свою позицию являются незаконными.

В четвертом параграфе сосредотачивается внимание на изучении сущности признания факта. Проводится краткий сравнительно-исторический экскурс, по результатам которого отмечается, что признание во множестве государств на протяжении столетий пользовалось репутацией лучшего, совершенного средства доказывания, или даже «царицы» («царя») доказательств («queen of evidences», «queen of proofs», «the best of genuine proofs», «den König der Beweise») как при следственной (инквизиционной) форме процесса, так и при состязании сторон. В связи с этим регулирование признания факта (что видно и в сегодняшнем законодательстве РФ) стало совмещать в себе несовместимые черты доказательства и основания освобождения от доказывания.

В работе рассматриваются истоки таких воззрений. В первую очередь, это – концепция «Признание – сделка» (*Rechtsgeschäftstheorie*), которая стала результатом разработанного Ф.К. фон Савиньи и поддержанного Б. Виндшейдом учения о том, что правовые последствия сделок для своей действительности зависят от направленного на это намерения их участников (волевая догма). Включив в конструкцию признания волевой элемент как обязательный, сущность признания было предложено рассматривать, исходя из его материально-правовой природы, а именно: как особую (процессуальную) сделку, посредством которой сторона распоряжается своими правами (*Parteidispositionsakt*).

Далее диссертант исследует концепцию «признание – суррогат доказательства» (*Beweißurrogat*) (Х. фон Байер; Ю.С. Гамбаров, К.И. Малышев); учение об односторонней процессуальной сделке (И. Колер; Е.В. Васьковский, А.Х. Гольмстен; Е.Ю. Веденеев, И.Н. Лукьянова) и договорную теорию при-

знания (В. Лангенбек, А. Рено, Р. Шлезингер). Указанные воззрения подвергаются подробной критике по следующим направлениям: такое признание (даже в случае его ложности) не проверяется судом; оно является не доказательством, а волеизъявлением, направленным на изменение прав и обязанностей сторон; размытость содержания термина «процессуальная сделка».

Отдельно анализируются волевая (субъективная) теория признания, включающая в себя два ключевых направления, – теорию установительной воли (А. Вах (*Feststellungswillentheorie*)) и теорию отказа (А.В. Гефтер, И.Ю.В. фон Планк (*Verzichtswillentheorie*)), – и объективная теория признания О. фон Бюлова. Делается вывод о том, что все отмеченные теории придают признанию характер сугубо индивидуального волевого акта – распоряжения стороной своими правами – из которого вытекает и возможность распоряжения фактами. Судебное признание здесь ничего не доказывает, однако связывает суд так, что он обязан принять выводы из признаваемых фактов независимо от того, истинны они или нет (Р. фон Канштейн, К. Шнейдер, Е.В. Васьковский). Данные взгляды, по мнению диссертанта, нельзя считать верными, поскольку, как следует из материала о волеизъявлении в объяснениях, признание, как доказательство, имеет значение только в силу содержащихся в нем сведений о фактах, а не воли. Факты, служащие основой судебного решения, не могут подчиняться свободному распоряжению сторон.

В пятом параграфе рассматриваются особенности содержания признания факта. Подчеркивается, что элементом признания (как и объяснений сторон в целом) не является воля. Если объяснение подпадает под признаки, которые определены законом для признания (невыгодность), оно должно считаться признанием, независимо от воли лица и его мнения. При оценке признания суд не связан волей участников процесса.

Далее отмечается, что критиковавшееся выше определение признания через бремя доказывания влечет за собой проблему, связанную с его содержанием. ГПК РСФСР и РФ указывают, что признание может иметь место в отношении обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования и возражения. Если признание «освобождает от доказывания», то «освободить» можно только от того, что лицо уже обязано делать к моменту признания, – обязано доказать. И, раз обязанность доказывания возникает в связи с утверждением о чем-либо, следует уяснить: является ли признание только подтверждением (*Bestätigung*), реакцией на уже сказанное, или все же объяснением о невыгодном?

Диссертант подробно рассматривает требование обязательной комбинации «утверждение + признание» для действительности признания факта, устанавливаемое законодательством стран романо-германской правовой семьи (Австрии, Венгрии, Германии), а также рядом правоведов (Э. Гельдер, Ф.К. Гештердинг, В. Лангенбек). Ученые полагали, что сторона способна осознать невыгодность признания лишь когда ее подтвердит противник. Теоретической основой такой точки зрения является понимание признания как сделки, для «заключения» которой необходимо волеизъявление обеих сторон.

Представляется необходимым повторить, что рассуждения о признании факта как о сделке (юридической или процессуальной) вряд ли имеют право на существование, поскольку распространение материально-правовых концепций на отдельные виды судебных доказательств невозможно. Принцип состязательности не только не подразумевает запрет для суда в использовании любых объяснений, исходящих от сторон, но и в значительной степени обязывает его учитывать и оценивать все, что идет от участников процесса и может иметь значение для решения спорных вопросов.

Тем не менее, цепь критикуемых рассуждений нашла отражение в процессуальном законодательстве. В ГПК РФ и АПК РФ признание понимается как подтверждение, как двусторонний акт. По сути, когда отечественные процессуалисты говорят о признании факта, всегда имеется в виду не признание, а соглашение о фактах, двустороннее подтверждение одного и того же обстоятельства утверждением лица с последующим согласием с ним его противника, что неверно.

Формулировка признания «Я признаю, что нечто было» шире, чем «Я признаю, что противник прав» и включает всю невыгодную для лица информацию, фигурирующую в разбирательстве. В системе свободной оценки доказательств суд не должен ждать, пока участник процесса будет утверждать о существовании каких-либо фактов. Он вправе начинать работу с признанием с момента его поступления в «информационное поле». Также данный подход лишает значения признания обстоятельств, не указанные в исковом заявлении. Но таковые тоже могут являться признаниями, поскольку требования можно уточнить, дополнить.

В соответствии с изложенными идеями, предлагаются изменения в ГПК РФ и АПК РФ: в законе формулировка признания факта должна выглядеть не как «признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения», а как «признание лицом, участвующим в де-

ле, обстоятельств, на которых другое лицо, участвующее в деле *может* основывать свои требования или возражения». Признать можно любой факт, который невыгоден признающемуся, так как может повлиять на вынесение судебного решения, не устраивающего его, и имеет значение для дела.

В последнем параграфе главы рассматриваются классификации признания факта. Диссертант выделяет судебное и внесудебное виды признаний факта, рассматривая их общие черты и различия, а также подвиды. Судебное признание по ГПК РФ относится к доказательствам, а внесудебное – нет. Но это не означает, что последнее никакого смысла не имеет. Очевидно, что оно по своему содержанию (невыгодность) аналогично судебному, может быть достоверно. Выявляются правила оценки внесудебного признания факта.

Далее указывается на большой массив литературы по проблеме простого и квалифицированного признаний, в котором, как правило, смешивается признание факта и признание иска. Рассматриваются основные модели работы суда с квалифицированным признанием: теория абсолютной делимости (*Teilbarkeit*) признания и «французский подход» (*Indivisibilité de l'aveu*), и делается вывод о том, что на практике их применять трудно. В связи с этим отмечаются компромиссные подходы к оценке квалифицированного признания, связанные с возможностью его дробления. На «квалифицирующую часть» признания распространяются все указанные выше требования к содержанию объяснений.

Отдельно обращается внимание на категорию «условных признаний» (*bedingte Gestandniß*), предложенную сторонниками теории отказа (Э. Гельдер, Й.Ю.В. фон Планк). Они отличаются от квалифицированного признания тем, что оговорки касаются не содержания признания, а его действительности с точки зрения закона (признания с ограничениями по времени, с обязанностью совершения противником определенных действий, с возражениями против процессуальных последствий признания). Данные виды признания, как следует из выводов о содержании объяснений, не могут существовать, поскольку участники процесса не решают вопрос о действительности признания – таковую определяет суд.

В конце параграфа изложены иные классификации признания факта (одностороннее и двустороннее, прямое и не прямое, полное и частичное). Изучение способов классификации значимо для дальнейшей теоретической разработки видов признания. Оно весьма перспективно, поскольку с его помощью могут быть выработаны правила исследования и оценки объяснений, не содержащих категоричное признание факта, но относящихся к делу.

В третьей главе диссертации последовательно рассматривается процесс исследования, оценки и отмены объяснений сторон.

В первом параграфе на материале действующего ГПК РФ с привлечением для сравнения как утратившего силу законодательства, так и некоторых норм зарубежного права, сосредотачивается внимание на порядке получения и исследования судом объяснений сторон. Диссертант полагает, что, исходя из тех прав участников процесса, в которых проявляется действие принципа состязательности, их объяснения, по общему правилу, должны приниматься во внимание судом и проверяться, если их содержание соответствует или, по крайней мере, не противоречит предъявляемым к нему требованиям. Указывается, что объяснения даются в форме свободного рассказа, который нельзя прерывать без повода (*narrative form without undue interruption*)

Законодательство РФ не регламентирует порядок опроса (расспроса) и его цели. По сложившейся практике судья может «снять» вопрос одного участника процесса другому без объяснения причин. Однако положения ч.2 ст.156 ГПК РФ не позволяют суду снимать вопросы по собственному желанию. Диссертант считает, что закон должен прямо регулировать – какие вопросы можно задавать, а какие нельзя, можно ли их снимать и по каким основаниям. Отсутствие подобных норм дает суду возможность произвольно ограничивать право быть выслушанным. Поэтому представляется необходимым внести соответствующие изменения в ГПК РФ и АПК РФ, а также дополнить положения о порядке ведения протоколов судебного заседания указанием на обязательность отражения вопросов, которые были признаны судом недопустимыми. Кроме этого целесообразно закрепить в законе право лиц, участвующих в деле (их представителей), просить суд признать вопрос недопустимым в случае, если он не имеет отношения к делу.

В параграфе отмечается, что в Кодексе последовательность исследования доказательств определяется (ст.167 ГПК РСФСР 1964 г., ст.175 ГПК РФ) не просто, заслушав объяснения лиц, участвующих в деле, но и учитывая их *мнения*. Здесь законодательно закреплена обязанность суда принимать во внимание и недоказательственную часть объяснений.

Указывается на важность объяснений сторон в суде кассационной инстанции, но на практике объяснения «кассатора» и доводы его жалобы часто игнорируются. Рассматривается решение Европейского суда по делу «Татишвили против России», которым практика формального подхода к рассмотре-

нию кассационных жалоб признана нарушающей право на справедливое судебное разбирательство. Делается вывод о том, что в кассационном определении нужно отражать и приведенные участвующими в деле лицами доводы.

Кроме этого, критикуется отсутствие (по общему правилу) ведения протокола судебного заседания в кассационной инстанции, поскольку имеют место многочисленные нарушения права давать объяснения, которые нигде не фиксируются (например, не стали заслушивать объяснения и сразу перешли к вопросам лицам, участвующим в деле; отсутствие отражения письменных объяснений в судебном решении). Анализируется решение Европейского суда по делу «Дунаев против России», постановившего, что отказ в принятии письменных объяснений нарушает ч.1 ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека. Диссертант считает, что необходимость ведения протокола назрела и в кассации (предлагаются изменения в ст.228 ГПК РФ).

В итоге делается вывод о том, что регламентация объяснений сторон в ГПК РФ должна быть более детальной, поскольку сложно контролировать усмотрение суда. Также деятельность кассационной инстанции необходимо привести в соответствие с международными стандартами, обеспечивающими право на справедливое судебное разбирательство в аспекте права быть выслушанным.

Во втором параграфе рассматриваются общие положения об оценке объяснений сторон, а также особенности оценки утверждений и признаний. Критерии и методика таковой, исходя из опыта зарубежной доктрины (Н.Т. фон Геннер, К.А. Гессе, Й.Ю.В. фон Планк, Д.Дж. Фэллон), можно выводить по аналогии с оценкой свидетельских показаний. Необходимо учитывать, во-первых, личную достоверность дающего объяснения. Она зависит от способности сообщить правду (умственная и физическая зрелость и здоровье, отсутствие помех в восприятии и т.п.) и наличия или отсутствия препятствий для изложения сведений. Во-вторых, достоверность, ясность и полноту содержания объяснений (рассказ должен включать подробности, сопутствующие детали).

Далее диссертант отвечает на вопрос – в какой мере в настоящее время утверждения (как часть объяснений) могут быть элементом доказательственной базы? Анализ показывает, что объяснения сторон без проверки, при отсутствии в современном процессуальном законодательстве РФ гарантий их достоверности, учитывая мотив к необъективному изложению фактов, приниматься в качестве безусловного доказательства существования обстоятельств, по общему правилу, не могут. При конфликте двух объяснений в форме утверждений *и отсутствии иной информации* факт теоретически считается недоказанным.

Однако на практике использование объяснений допустимо для констатации вопросов, имеющих технический характер, либо для разрешения непонятных ситуаций (устранение неясности, возникшей в связи с арифметическими неточностями или ошибками; пояснения особенностей деятельности юридических лиц; отсутствие информации, подтверждающей обратное). Кроме этого, по ГПК РФ использовать для доказывания утверждения суд может в отношении любого факта, исходя из смысла положения ч.1 ст.68.

Переходя к особенностям оценки признания фактов, диссертант указывает на ее различные варианты («царица доказательств», свободная оценка). Представляется неверным мнение процессуалистов об обязательности признания для суда (А.П. Вершинин, А.А. Ференс-Сороцкий, М.А. Фокина), поскольку такой вывод основан на распорядительных концепциях признания факта. Подвергается критике оценка признания, отталкивающаяся от закона («признание освобождает от доказывания»). Думается, что нормы ч.2 ст.68 ГПК РФ и ч.3 ст.70 АПК РФ включены в закон как аналогия дореволюционному УГС, но сделано это поверхностно, без учета сущности признания факта.

Если рассматривать признание как доказательство, его «последствия», с точки зрения теории, не должны отличаться от других доказательств. Исходя из единой природы объяснений, оба их вида (утверждение и признание) подлежат свободной оценке суда. Признание доказывает что-либо только при условии его достоверности. Поэтому вряд ли возможно согласиться с мнением о «бесспорных (признанных) фактах», относящихся к основаниям освобождения от доказывания наряду с общеизвестными и преюдициально установленными фактами (С.Ф. Афанасьев, И.М. Зайцев, Э.Н. Нагорная и др.), а также «компромиссным» взглядом на признание как на «частный и неабсолютный случай освобождения от доказывания» (М.К. Треушников). Признание не является ни частным, ни каким-либо иным основанием освобождения от доказывания (предлагается удаление из норм ГПК РФ и АПК РФ указания на то, что признание освобождает от доказывания). Также идея бесспорности признанных фактов не учитывает возможность отмены объяснений.

В заключение развивается тезис о том, что априорный подход к утверждениям как к некоей лживой информации теоретически небезупречен (С.А. Барашков). Те, кто считает, что утверждение, не подкрепленное ничем, голословно, дают приоритет вероятному знанию суда *о несуществовании* чего-либо, перед вероятным суждением участника процесса *о существовании* чего-либо. Сам по себе совет игнорировать объяснения и доводы основан на использова-

нии вероятного знания: о том, что лицо «вероятно» лжет. Думается, нельзя ориентировать суд на принятие решения, основанного на «голословном» выборе из двух вероятностей. Поэтому примеры, где можно доказывать факты утверждениями, могут быть законными и обоснованными.

Следующий параграф главы посвящен малоисследованной в российской процессуальной науке *проблеме отмены объяснений сторон* – процедуры разрешения ходатайства лица, участвующего в деле, о признании недействительными ранее данных им объяснений. В законодательстве РФ не урегулирована ситуация, когда суд, выслушав объяснения и, исходя из тех данных, которые у него были на тот момент, работая с ними как с достоверными (включая принятие признания факта), через некоторое время получает ходатайство лица об отмене утверждения (признания). Либо лицо заявляет, что хочет взять обратно свои объяснения, заменив их другими. Анализ доктрины показывает, что в законодательстве возможны несколько вариантов регулирования.

1) Свободная отмена объяснений, обязательная для суда, которая может существовать в двух моделях – в силу распоряжения стороны (В. Лангенбек) либо по соглашению сторон (Р. фон Канштейн). При этом в первом случае исходят из принципа «лицо имеет право поправлять свои объяснения» (*die Befugnis zur Abänderung gerichtlicher Parteivorträge*), а во втором – из учения о признании-сделке. Именно такое регулирование, точнее, отсутствие прямых указаний закона по данному вопросу, вытекает из смысла действующих ГПК РФ и АПК РФ (С.А. Афанасьев, И.М. Зайцев, М.Л. Скуратовский).

2) Недопустимость отмены объяснения с определенного момента, после которого оно окончательно и имеет формально связывающую силу. В качестве основы такого взгляда можно рассматривать:

– обязательность признания как распорядительного акта (Н.Т. фон Геннер, Л. Фульд, К.И. Малышев, положения УГС (ст.481) и ГПУ (§290));

– доказательством считаются не объяснения целиком, а только признание. Поэтому, если признание было сделано, оно незыблемо, так как любое заявление о его отмене является утверждением и не принимается во внимание (К. Байдтель);

– особая структура процесса, когда единое рассмотрение дела разбивается на несколько частей (этапов) с преклюзивными сроками формального окончания для каждой (*Eventualmaxime*). При данной схеме право отменить (исправить) какое-либо из своих объяснений действует только до окончания этапа, после чего утрачивается (Г. Демелиус, канонический процесс в Германии). Раз-

новидностью модели можно считать учение о «перемторных» сроках, где специальный промежуток времени закреплен не для этапа с множеством процессуальных действий, а для каждого действия отдельно;

- письменная фиксация признания факта, когда оно заносится в протокол и приобретает силу письменного доказательства (И.В. Решетникова).

- процессуальная санкция за злоупотребления процессуальными правами (О. фон Бюлов).

3) Компромиссный вариант: недопустимость безмотивной отмены объяснений. Теоретически возможны две нормы закона об отмене: установление конкретных оснований и условий их применения; либо общая норма про убеждение суда в каждом случае.

В качестве оснований в науке выделялись следующие:

- пороки воли (обман, принуждение, насилие (физическое, психическое), страх (угроза), заблуждение (ошибка)). При этом заблуждение может касаться как фактической, так и правовой базы, а также закрепляться в законе как «любое» (ГПК РСФСР 1964 г., АПК РФ) или только «простительное» или «добросовестное» (ГПК РФ);

- несерьезность (шутки, хвастовство и т.п.). Несерьезные объяснения доказательством не являются, и, при наличии сомнений в серьезности, суду следует использовать право расспроса;

- несоответствие действительности;

- если речь не шла о личных действиях (Т.В. Сахнова; ст.481 УГС);

- доказательство любого факта, включающего в содержание объяснений то, что не может быть таковым;

- конфликт между объяснениями представителя и доверителя (Й. фон Штюццер). Например, представитель признал факт в противоречии с информацией и документами, которые ему дал доверитель. Сюда же относятся разногласия в объяснениях нескольких представителей одного лица.

Иной вариант – свободная оценка отмены объяснений по усмотрению суда. Такое положение, в частности, закреплено в ГПУ Австрии (§266(2)) применительно к признанию (право суда определить – какое влияние оказывает отмена признания на его действительность). Теоретически допустима и комбинация конкретных оснований для отмены с «перемторным» сроком.

Относительно процессуального оформления отмены объяснений, следует сказать, что оно должно совпадать с процедурой принятия объяснений в доказательственную базу. Если суд проверил соответствующее ходатайство лица и

нашел его обоснованным, то он отменяет ранее данные объяснения. О новых объяснениях и причинах отмены делается запись в протоколе судебного заседания. Это касается как утверждений, так и признаний (соглашений). Отменить объяснения можно до момента удаления суда в совещательную комнату для принятия решения (в параграфе предлагаются изменения в ГПК РФ и АПК РФ).

Последний параграф главы посвящен тем аспектам объяснений в арбитражном процессе, которые не были затронуты ранее. Отмечается, что ввиду присущих данному виду судопроизводства особенностей субъектного состава (как правило, объяснения дают представители) большее значение имеют доводы участников процесса. Диссертант подтверждает вывод о практической необходимости включения объяснений представителей в перечень доказательств.

В параграфе указывается, что регулирование признания фактов в АПК РФ отличается непоследовательностью и неточностью. Признавать факты могут, как и в ГПК РФ, только стороны (ст.70), они же являются субъектами соглашения по обстоятельствам дела. Само соглашение по фактическим обстоятельствам также именуется как «соглашения сторон по фактическим обстоятельствам дела и заявленным требованиям и возражениям» (п.9 ч.2 ст.155) и «соглашения лиц, участвующих в деле, о достигнутых договоренностях по обстоятельствам дела (ч.3 ст.162)». Диссертант предлагает зафиксировать лиц, участвующих в деле, в качестве участников процесса, имеющих право делать признание и соглашение по обстоятельствам, а само соглашение называть везде одинаково.

В параграфе отстаивается свободная оценка судом признания и соглашения по обстоятельствам. Суд, после проверки признания (соглашения) и сопоставления с другими доказательствами, вправе сделать противоположный признанным фактам вывод. Критикуются нормы ч.ч.2,3,5 ст.70 АПК РФ о специфических процессуальных последствиях признания фактов и соглашения по обстоятельствам. Признание (соглашение) не освобождает от доказывания, является доказательством, а не сделкой, никаких прав и обязанностей не создает и не бесспорно.

Введение специальной нормы для признания, по мнению диссертанта, не требуется: положения о нем могут существовать в статье об объяснениях и должны мирно сосуществовать наряду с утверждениями. Представляется необходимым установить единый режим правил процессуального порядка получения и исследования объяснений сторон в ГПК РФ и АПК РФ. Все полезное, что содержится в новом АПК РФ, подлежит закреплению в ГПК РФ. Это, в частности, обеспечение лицам, участвующим в деле, права заявлять ходатайства, вы-

сказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств, а также делать соглашение по фактическим обстоятельствам.

В заключении приводятся предложения по совершенствованию действующих ГПК РФ и АПК РФ, тождественные по своему содержанию, которые направлены на установление единого процессуального порядка получения и исследования объяснений сторон (как утверждений, так и признаний). Наиболее важными из них диссертант считает: изложение статьи 68 в переработанной и расширенной редакции; введение специальной статьи 68.1 «Объяснения представителя»; изменение редакции статьи 174. В работе предлагаются изменения (дополнения) ч.1 ст.196, ч.4 ст.198, ст.228, ч.2 ст.229, ч.1 ст.358, ч.2 ст.366, ч.1 ст.407 ГПК РФ. Кроме этого, в заключение помещены изменения аналогичного содержания в АПК РФ (ч.2 ст.41, ст.62, ч.2 ст.64, ст.ст.70, 70.1, 81, ч.4 ст.125, ч.6 ст.154, ст.154.1, п.п.9,10 ч.2 ст.155 и др.).

По теме диссертации опубликованы следующие научные работы:

Монография:

Медведев И.Р. О науке гражданского процесса: эссе. Ответственность сторон за ложные объяснения в суде: научное исследование. – М.: Волтерс Клувер, 2006. 289 с. (14,5 п.л.)

Статьи:

1) Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. 2006. №7. С.134-141. (0,5 п.л.)

2) Медведев И.Р. Проблемы повышения достоверности объяснений сторон // Российская юстиция. 2006. №8. С.46-47 (0,25 п.л.)

3) Медведев И.Р. Проблемы правового регулирования объяснений сторон // Российская юстиция. 2006. №10. С.39-40 (0,3 п.л.)

4) Медведев И.Р. Объяснения лиц, участвующих в деле, как доказательство // Арбитражная практика. 2006. №11. С.57-62 (0,6 п.л.)

5) Медведев И.Р. Проблемы объяснений как доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2006. №12. С.50-52 (0,4 п.л.)

6) Медведев И.Р. Некоторые вопросы использования объяснений при разбирательстве дел в военных судах // Российская юстиция. 2007. №1. С.45-46 (0,3 п.л.)

7) Медведев И.Р. Гражданский процесс Англии и США: повышение ответственности сторон за свои объяснения и действия // Правоведение. 2007. №1. С.136-151 (1,0 п.л.)

8) Медведев И.Р. Некоторые аспекты присяги сторон, свидетелей и экспертов в гражданском процессе: опыт США // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. №6. С.44-47 (0,4 п.л.)

9) Медведев И.Р. Проблемы процессуальной ответственности сторон и иных лиц, участвующих в деле // Российское правосудие. 2007. №10. С.21-29 (0,6 п.л.)

10) Медведев И.Р. Практика применения норм АПК РФ об объяснениях лиц, участвующих в деле // Законодательство. 2008. №2. С.79-83 (0,4 п.л.)

11) Медведев И.Р. Влияние учета объяснений сторон на законность судебного акта // В сборнике: Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой и М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. С.184-209 (1,1 п.л.)

Общий объем опубликованных работ: 20,35 п.л.